ISSN 0258-0802. LITERATŪRA 2002 44(2)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ В ПЕРВОМ ЛИТОВСКОМ СТАТУТЕ (1529)

Татьяна Власова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Среди разнообразных по жанру и стилю старобелорусских памятников особенно выделяются памятники деловой письменности, которые, по меткому замечанию Л. М. Шакуна, «благодаря своему назначению и конкретно-деловому содержанию с давних времен наиболее последовательно отражали особенности живого говора – его богатую лексику, фонетические и морфологические явления» (Шакун 1963, 94). К числу таких памятников относится и Первый Литовский Статут 1529 г., сохранившийся в четырех рукописных списках, написанных на старобелорусском языке, являвшемся на протяжении нескольких столетий канцелярским языком Великого княжества Литовского. Списки названы по фамилиям бывших владельцев или по месту их прежнего хранения и хронологически соотносятся следующим образом: ранние – Фирлейский и Замойский (30-е годы XVI в.), Дзялынский (50-е годы XVI в.) и Слуцкий (80-е годы XVI в.) (подробнее см. Лазутка 1974, 132–167). Вышеуказанные рукописи этого культурно-исторического памятника содержат интересный материал для изучения различных, в том числе и лексических, особенностей старобелорусского литературно-письменного языка XVI в., когда происходили заметные изменения в его истории: постепенный процесс демократизации за счет ослабления древнерусской книжной традиции и усиления основных региональных особенностей. В этом памятнике представлена тематически разнообразная лексика. Так, здесь отражается общественно-социальная лексика – названия представителей разных слоев населения и должностей (*король, князь, панъ, тивунъ, (тиунъ), бояринъ, шляхта, воевода, бурмистръ, вижъ, врадъ (урадъ), врадникъ (урадникъ), децкий, земянинъ (земенинъ), мещанинъ, наместникъ, поветникъ, маршалокъ)*, военная терминология (*гетманъ, валка «война», битва, война, войско, шихъ, шихованье, застава, кордъ, панцэръ, прапорецъ, хоружий)*, наименования владений (*именье, дедизна* «владение, полученное по линии деда», *материзна*

«владение, перешедшее по линии матери», *держанье* «вид феодального землевладения», *отчизна* «вотчина»), терминология родства (*отецъ, матка, мачеха, дети, братъ, сестра, дочка, сынъ, жона, жонка, мужъ, невеста, девка, зять, вдова)*, названия лиц по профессии (*кухарь* «повар», *дойлида* «плотник», *коваль, мураль* «каменщик», *бортникъ, бралья* «кружевница, ткачиха», *гахвтарь* «вышивальщик золотом», *гахвтарка, мельникъ, пекарецъ, псарецъ, пушкарь, ремесникъ, скляръ, столяръ, швецъ)*, названия бытовых предметов (*статки домовые, суды, корыто)*, названия денежных единиц и единиц измерения (*пенязи, грошъ, копа, бочка земли)*, сельскохозяйственная лексика (*борона, соха, поле, присевокъ, свиренъ, сено, сеножать, стирта, гумно, коса, оглобля, одрина* «сеновал», *скотъ, сокера (сокира), пшеница, гречиха, жито, збожье, овесъ, ярыца)*, названия зверей (*бобръ, серна, зубръ, медведь, олень, рысь)*, названия птиц (*птаха, утка, болобанъ,* «вид сокола», *дремлюгъ, ястребъ, жоравъ, селезень, каплунъ, лебедь)* и животных (*животина, корова, баранъ, овца, свинья, блудяга, быдло (быдля), вепрь* «дикий кабан», *гусь, жеребецъ, конь, подсвинокъ*.

В связи с тем, что Первый Литовский Статут является кодексом феодального права Великого княжества Литовского (в нем 13 разделов, охватывающих нормы почти всех отраслей права) юридическая лексика занимает наибольшее место. Так как это свод законов, требующий юридической точности, конкретности, четкости, то для изложения правовых норм используется и соответствующая лексика. Поэтому рассматриваемый памятник является важным источником в изучении правовой терминологии. В определенной степени юридическая терминология в языке старобелорусских памятников находит отражение в исследованиях Закарьян М. М. (Закарьян 1955), Лозовского В. М. (Лозовский 1966). Первый Литовский Статут, сохранившийся в рукописных списках, не был объектом специального изучения в этой области. Актуальность исследования данной лексики обусловлена не только ее недостаточной изученностью, но и тем, что непосредственно связана с развитием и усовершенствованием лексической системы старобелорусского литературно-письменного языка. Так как юридическая лексика в указанном памятнике представляет немалый пласт, то в данной статье остановимся на рассмотрении лексики, обозначающей преступления, преступников и различные виды наказаний.

Цель данного исследования – описать вышеуказанную лексику, проанализировать ее с точки зрения отношения к лексике древнерусского языка, выявить слова, которые проникли из живого народного языка, а также определить иноязычное влияние, показать текстуальные расхождения между сравниваемыми списками. При решении поставленных задач в работе использовались описательный, историко-сравнительный методы. В работе анализируется только именная юридическая терминология, хотя в сравниваемых текстах много не только имен существительных, но и глаголов (*грабити, ранити, зранити, вдарити, окривавити, забити, поконати)*, фразеологических сочетаний, связанных с обозначением правовых понятий (*карати огнемъ, карати горломъ, шию тратити,*

горло тратити, страченье головы, шии и т. д.).

Несмотря на то, что многие из анализируемых слов являются многозначными, вступают в синонимические отношения, мы их относим к юридическим терминам, под которыми, вслед за Лозовским В. М., понимаем «слово или словосочетание, семантика которого наполняется специфическим судебно-правовым значением» (Лозовский 1966, 5). В свое время юрист Малиновский И. писал, что «создание особого технического языка для выражения различных юридических понятий находится в Литовском Статуте в зачаточном состоянии. Обыкновенно законодатель пользуется словами разговорного языка в их житейском смысле. Но некоторые слова уже употребляются как термины – в техническом значении, таковы, например, вина, выступъ, кгілейтъ, зарука, горячий учинок и др.» (Малиновский 1894, XII).

Среди слов, связанных с обозначением преступлений, встречаются общие наименования преступлений, названия преступлений против права частной собственности, наименования, обозначающие порчу имущества, а также названия преступлений против личности и ее чести. К общим наименованиям преступлений относим несколько слов: *ВИНА, ВИННОСТЬ, (ЗЛЫЙ)ВЧИНОКЪ, ВЫСТУПЪ, ЗЛОЧИНСТВО, КРИВДА, ШКОДА.*

В рассматриваемых списках в значении «преступление, проступок» четыре раза отмечено слово ВИНА («Але без *вины* держаней отнимати не будемъ», III.5)*. Это слово было известно древнерусскому языку и являлось многозначным. В словаре Срезневского И. находим следующие значения: 1. «причина», 2. «вина, грех, виновность», 3. «обвинение», 4. «извинение», 5. «пеня» (Срезн. I, 258). В том же значении слово *вина* отмечается и в «Русской Правде» (Тихомиров 1953, 176). В научной литературе высказывалось мнение о связях «Русской Правды» и Литовского Статута (Леонтович 1865, 1; Пичета 1960, 25).

В том же значении два раза в сравниваемых списках отмечено слово ВИННОСТЬ («...тогды тая вся *винность* и заплата на судьяхъ местскихъ зостанетъ», VI.19). Слово *винносць* в значении «вина» отмечает Носович И. (Нос. 57). *Вина* и *винность*, будучи словами разного происхождения, являются синонимичными.

В анализируемых списках в значении «деяние, совершение» отмечается слово ВЧИНОКЪ («Тэж ни о чий-кольве *вчинокъ* жадный иный не маеть каран быти и сказыван», I. 7). В качестве общего названия преступления в значении «злодеяние» в текстах 2 раза (I.3, VII.29) отмечается сочетание ЗЛЫЙ ВЧИНОКЪ («або тэж за свой *злый вчинокъ* в ката в руце был», VII.29). В словарях древнерусского языка отмечается глагол *учинити* (Срезн. III, 1336), *вчинити* (Коч. 60). В значении «поступок, поступки» рассматриваемое слово фиксируется в словарях Носовича И. – *учинокъ* (Нос. 671) и Горбачевского Н. – *вчинки* (Горб. 376).

В значении «преступление, преступное деяние, проступок» в белорусских списках Литовского Статута 1529 года двенадцать раз отмечено слово ВЫСТУПЪ («...маютъ быти караны и сказываны подле тяжкости а легкости *выступовъ* своих», I.1).

* Текст цитируется по Дзялынскому списку, римскими цифрами указывается раздел, арабскими статья.

В том же значении отмечает и словарь Срезневского И. (Срезн. I, 454), но с указанием на Грамоту великого князя Литовского Александра 1493 г. В том же значении слово отмечается и в словаре Горбачевского Н. (Горб. 390). В словаре Носовича И. отмечается собственно белорусское образование *выступокъ*. В рассматриваемых списках Первого Литовского Статута отмечается и сочетание ЗЛЫЙ ВЫСТУПЪ «злой проступокъ» («...маеть за его *выступъ злый* записомъ от именья отдалити», IV.13).

В памятнике в значении «злодейство, преступление» шесть раз зафиксировано сложное слово ЗЛОЧИНСТВО («Который злочинца на смерть будеть выдан за которое – кольве *злочинство»*, VII. 29). Это слово отмечается и в словаре Носовича И. (Нос. 210). Но такое словосложение без соединительных гласных в старобелорусском языке не выделялось продуктивностью (Гістарычная 1970, 67).

К общим понятиям преступлений относим и слово КРИВДА в значении «обида, ущерб» («Тэж уставуемъ: для *кривдъ* шляхты, которые ся от пановъ деють або от врадниковъ нашихъ...», VI.4). Рассматриваемое слово отмечается у Срезневского И. в значении «несправедливость» (Срезн. I, 1322) и у Носовича И. в двух значениях: 1. «обида», 2. «несправедливость» (Нос. 252).

Сюда же примыкает и довольно часто встречающийся в сравниваемых текстах полонизм ШКОДА «вред, убыток, ущерб» (Бул. 364) («А естли бы хто реку перекопалъ умыслне ку *шкоде* суседа своего...», VIII.10).

Кроме общих названий преступлений, в Литовском Статуте 1529 г. много специфических названий на отдельные случаи жизни. Это касается наименований преступлений против частной собственности (присвоение или порча). Ещё юрист Малиновский И. указывал на особенность Литовского Статута: «Итак, отличительная черта уголовных законов (в узком смысле) Литовского Статута – казуистичность: здесь нет вполне обобщенных постановлений о типах преступных деяний» (Малиновский 1894, XI).

Из слов, обозначающих преступления против частной собственности следует отметить употребление в Первом Литовском Статуте отглагольного существительного БРАНЬЕ. В анализируемых списках оно является многозначным: 1. «взымание, взятие» (V.5, VI.7, X.4), 2. «грабеж» (II.13) («Тотъ за кождымъ своимъ наездомъ и по дорозе браньемъ маеть кгвалтъ платити», II.13). Древнерусскому языку было известно слово *брати* (Срезн. I, 168). «Захваченное имущество» в Первом Литовском Статуте называется ЗАБРАНЬЕ («...тогды однако тую выслугу и тое *забраньe* на господара тратить», I.8).

Синонимичным в указанном значении слову БРАНЬЕ в рукописях памятника выступает и другое многозначное (оно отмечается даже в 5-ти значениях, в том числе и «захват, ограбление») слово ГРАБЕЖЪ («...естли бы чиему чоловеку от чиего чоловека злодейство стало або бой, або грабежъ стал ся...», VI.3). Слово *грабежъ* в нескольких значениях известно и древнерусскому языку (Срезн. I, 573–574). Оно отмечается и в «Русской Правде» (Тихомиров 1953, 177).

Иногда в рассматриваемых списках Первого Литовского Статута отмечается лексическая взаимозаменяемость. Так, в Замойском (З.), Дзялынском (Д.) и

Слуцком (С.) списках зафиксирована отглагольная лексема *бранье*, которой в раннем Фирлейском списке соответсвует *грабленье*, зафиксированное и в древнерусском языке (Срезн. I, 574) («...тотъ за кождымъ своимъ наездомъ и по дорозе *браньемъ* маетъ кгвалтъ платити» (З.Д.С. – II.13), *грабленьемъ* (Ф. – II. 13). Подобные пары слов можно считать лексическими вариантами, под которыми, вслед за Жуковской Л., мы понимаем «два слова или группу слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника» (Жуковская 1964, 6).

В значении «ограбление» в Первом Литовском Статуте отмечается и синонимичное слову ГРАБЕЖЪ отглагольное существительное ЗЛУПЛЕНЬЕ («Тэж, естли бы шляхтичъ шляхтича на дорозе розбилъ, а оный розбитый его в парсуну позналъ и раны свои людемъ добрымъ оказал або *злупленье* враду або стороннимъ людемъ оказалъ..., VII 21). В древнерусском языке отмечается *лупити* «грабить» и *лупление* «грабеж». В старобелорусском языке префикс *з-* образовался из древнерусского *из-* и префиксальные образования с начальным *з* были довольно распространены в старобелорусском языке (Гістарычная 1970, 65). Словарь Горбачевского Н. отмечает *лупъ* «грабеж», *лупезца* «грабитель» (Горб. 202).

Часто в сравниваемых текстах отмечается сложное образование ЗЛОДЕЙСТВО в значении «воровство, злодейство» («Кто бы кому кгвалтъ або *злодейство* вчинилъ...», VII 27).

По одному разу в списках Первого Литовского Статута зафиксированы НАЕЗДЪ («...тотъ за кождымъ своимъ *наездомъ* и по дорозе браньемъ, II.13) и НАЕЗДКА («...кромъ кгвалту або *наездки* домовое...», VI.6, в позднем Слуцком списке – *наезды*). Слово *наездъ* в том же значении было известно и древнерусскому языку (Срезн. II, 353; Кочин 200), но в Слуцком списке оно зафиксировано, в отличие от древнерусского языка, в другой морфологической форме, т. е. в форме женского рода. Образование *наездка* можно отнести к народно-разговорным. Хотя образования с суффиксом -к- были известны и древнерусскому языку, но более продуктивными они оказались в старобелорусском языке (Гістарычная 1970, 56).

В значении «разорение» в рассматриваемом памятнике отмечено и отглагольное существительное СПОСТОШЕНЬЕ («...а смотрети того, жебы в оном именьи за держанья его жадная ся шкода и *спостошенье* не стало», VIII.18). В древнерусском языке отмечался глагол *пустошити* (Срезн. II, 1730), а в старобелорусском – *спустошыць* (Нос. 611).

В значении «утрата» один раз в рассматриваемых текстах зафиксировано слово ЗГУБА («А естли бы тотъ врадникъ иначей вчинил, повинен будетъ оной стороне зашкожоной всю шкоду и *згубу*..., VIII.18). В словарях Срезневского И., Кочина Г., Горбачевского Н. оно не отмечается. Словарь Носовича дает: *згуба* «потеря, погибель» и згубца «губитель» (Нос. 203).

Из лексики, обозначающей порчу имущества, два раза зафиксирована лексема ПОЖАРЪ (IX.3,13) в значении «огонь, пожар» («Хто бы дерево бортное чужое со пчолами сосну очер або *пожаромъ* ожог», IX.13). В древнерусском языке слово имело три значения: 1. «пожар», 2. «костер», 3. «пожарище» (Срезн. II, 1079).

В трех случаях в рассматриваемых текстах отмечено слово ПОЖОГА (I.26, VII.7) («Естли бы ся хто на кого пофалил, а за похвалкою его головщина або *пожога* двору сталася», VII.7). Словарь Носовича И. фиксирует *пожога* в трех значениях: 1. «сожжение», 2. «рана», 3. «поджог». (Нос. 452). В древнерусском языке оно отмечается в другой морфологической форме, т. е. в форме мужского рода – *пожегъ, пожогъ* в значении 1. «пожар», 2. «поджог» (Срезн. II, 1080).

Тут же в списках зафиксирована и лексическая взаимозаменяемость: *пожарь-пожогъ* («Хто бы дерево бортное чужое со пчолами сосну очер або *пожаромъ* ожог...» (Ф.З.Д. – IX.13), *пожогомъ* (С. – IX.14)

В одном случае в значении «подделка, подлог» отмечено слово ФАЛШИВСТВО («...ани в злодействе, ани в *фалшивстве*..., VIII.5). Слово является полонизмом (Бул. 333).

Из названий преступлений против личности в списках Первого Литовского Статута отмечается отглагольное существительное БИТЬЕ в значении «избиение» («...коли бы который шляхтичъ, битый або охромленый, от того битья або охроменья, ездивши по пиромъ або бывал в корчмахъ, або в торгъ, а потом умер, хотя тэж от того *битья* и лежал...», VII.10). В значении «убийство» в Литовском Статуте 1529 г. отмечено также отглагольное существительное ЗАБИТЬЕ («А естли бы кого колько парсунъ об одного шляхтича *забитье* в суда было обвинено...», VII.8). В древнерусском языке отмечается и глагол *бити* (Срезн. I.89) и *забити* (Срезн. I, 895). В словаре Носовича И. фиксируется и лексема *забицце* (Нос. 159).

В значении «избиение, побои» в списках Первого Литовского Статута довольно часто фиксируется известная в нескольких значениях и древнерусскому языку (Срезн. I,143) лексема БОЙ («О *бой* шляхтича, хто бы его збил...», III.14). В меньшем количестве случаев в значении «избиение, разбой» отмечено слово РОЗБОЙ («...таковый повинен будетъ оный *розбой* або шкоду своими властными пенезьми оправовати...», VII.18). В «Русской Правде» также отмечается это слово, но в фонетической огласовке *разбой* (Тихомиров 1953, 185).

В анализируемых текстах в двух значениях (1. «убийство», 2. «компенсация за убийство») зафиксировано слово ГОЛОВЩИНА («...естли бы чиему чоловеку от чиего чоловека злодейство стало або бой або грабежъ стал ся; або *головщина* межи мужики...», VI.3). Древнерусскому языку также известно это слово и причем тоже в нескольких значениях (Срезн. I, 544).

Часто в текстах встречается и полонизм КГВАЛТЪ в значении «нападение, насилие, разбой» («Коли бы кому шкода в чием дому ся стала або *кгвалтъ* на дороге...», VII.18). В одном случае при расхождении в списках в раннем Фирлейском списке отмечен полонизм *кгвалтъ* (Ф. – VIII.14), а в Замойском, Дзялынском и Слуцком – *бой* («Хто бы... жатое побрал, або *бой* вчинил»), (З.Д. – VIII.14, С. – VIII.16), *кгвалтъ* (Ф. – VIII.14).

В значении «оскорбление» зафиксировано слово ОБРАЖЕНЬЕ («Господарь шлюбует никого не карати на заочное поведанье, хотя бы ся дотыкало *ображенья* майстату его милости...», I.1). Срезневский И. (I, 538) приводит слово в других значениях. Словарь Кочина Г. не отмечает

слова. Носович И. приводит *ображаць «оскорблять»* (Нос. 351).

В той же первой статье первого раздела зафиксировано и слово ЗРАЖЕНЬЕ («О *зраженье* маестату господарского», I.1). Словарь Горбачевского Н. фиксирует слово *зраженье* в том же значении «оскорбление» (Горб. 396). В анализируемых списках в значении «клевета, оскорбление» отмечено слово НАГАБАНЬЕ («Тогды сказуемъ, иж таковый маеть того *нагабаня* судовне очистити под тыми словы...», III. 12). Словарь Срезневского И. приводит слово в значении «притеснять» и указывает на польское происхождение этого слова *nagabac, gabac* (Срезн. II, 273).

В тех же сравниваемых текстах в значении «обида, унижение» отмечается и слово ПЕРЕНАГАБАНЬЕ («Тэжъ уставляемъ: естли бы сынъ отца вдарил або зсоромотил, або которые втиски або *перенагабанье* ему вчинил...», IV. 13). Словарь Носовича И. приводит *габанне* «трогание, нарушение» (Нос. 106).

В Первом Литовском Статуте богато представлены и наименования преступников. Здесь мы отмечаем такие лексемы, как: ВИНОВАТЕЦЪ, ВИННЫЙ, ВИНОВАТЫЙ, ВЫСТУПНЫЙ, ЗАБОЙЦА, МУЖОБОЙЦА, ЗЛОДЕЙ, ЗЛОЧИНЦА, КАТЪ, КГВАЛТОВНИКЪ, ПОХВАЛЦА, РОЗБОЙНИКЪ, УБИЙЦА, ФАЛШЕРЪ, ШКОДНИКЪ. Так, в значении «виновник» один раз в рукописях зафиксировано слово ВИНОВАТЕЦЪ («...а он бы, которому оного *виноватца* в руки подано, своею не опатрностью с казни выпустил...», I. 13). Общеславянский суффикс *-ецъ* широко употреблялся в древнерусском языке, свою словообразовательную активность этот суффикс сохраняет и в старобелорусском языке, в некоторых случаях представлены образования даже шире, чем в древнерусском языке (Гістарычная 1970, 60). В том же значении «виноватый, виновный» в списках синонимами к слову *виноватецъ* выступают и субстантивированные прилагательные ВИННЫЙ (5 раз) («...винный подле заслуги маетъ быти каран», III.5) и ВИНОВАТЫЙ (4 раза) («Хто бы выпустил с казни осажоного злочинцу або *виноватого*», I. 13). Слово *виноватый* было известно и древнерусскому языку (Срезн. I, 260). Зафиксировано оно и в «Русской Правде» (Тихомиров 1953, 176). Находим это слово и у Носовича И. (Нос. 58). Слово *винный* не фиксируется в древнерусском языке (у Срезневского И. – *виновьныи*, Срезн. I, 260). Отмечается оно в словаре Носовича И. (Нос. 58). Слово *виноватый* в Первом Литовском Статуте имеет значение не только «виновник», но и более дифференцированное значение «должник», что имело место и в древнерусском языке («...але о тые долги с тыми *виноватыми* с пановъ их и з иншими поддаными з нашихъ врадниковъ будутъ повинни справедливости доходити...», XII.9).

В значении «провинившийся» один раз зафиксировано слово ВЫСТУПНЫЙ («...ани таковыхъ *выступныхъ* маютъ перед нами таити», II. 6). Для древнерусского языка слово, видимо, не было характерно, так как не отмечается ни в словаре Срезневского И., ни в словаре Кочина Г. Словарь Носовича И. дает *выступокъ* в значении «проступокъ» (Нос. 97). С этим словом, видимо, и следует связывать местное образование *выступный*.

Один раз в текстах зафиксирована лексема ЗАБОЙЦА в значении «убийца»

(«...а того истого *забойцу* маютъ выволати», VII. 28). Это, видимо, собственно белорусское образование. В этом же значении слово фиксируется и у Носовича И. (Нос. 160).

Довольно распространенными в старобелорусском языке были сложные слова от двух существительных (Гістарычная 1970, 67). В списках зафиксировано слово МУЖОБОЙЦА «человекоубийца» («...тогды только один *мужобойца* маетъ быти о тое забитье осужон...», VII. 8).

В значении «злодей, вор» в Первом Литовском Статуте несколько раз зафиксировано известное и древнерусскому языку многозначное слово ЗЛОДЕЙ («Естли где паробки крадутъ в околицы, а з лицомъ их поймають, которое лицо будеть стояти полтины грошей, тогды маеть каран быти яко *злодей*», XIII. 1). В древнерусском языке слово имело несколько значений: 1. «преступник», 2. «злодей, имеющий злое намерение», 3. «похититель» (Срезн. I, 1002). В «Русской Правде» слово не отмечается. В словаре Носовича И. фиксируется слово *злодзей* только в значении «вор» (Нос. 209).

Пять раз параллельно в рукописях зафиксировано сложное по образованию слово ЗЛОЧИНЦА «злодей, преступник» («Хотя бы *злочинцовъ*, розбойниковъ, злодеевъ, людей выволаныхъ в себе в дому ховал...», VII. 30). Это сложное слово образовано с суффиксом -ц- не без влияния польского языка, в котором оно имело широкое распространение (Гістарычная 1970, 60). В словаре Носовича И. отмечается лексема *злочинецъ* (Нос. 210).

В значении «палач» один раз в Литовском Статуте 1529 г. отмечено слово КАТЪ («...або тэж за свой злый вчинокъ в *ката* в руце был...», VII. 29). Данное слово отмечается в словаре Носовича И. (Нос. 231).

Заимствованием из польского языка является зафиксированное восемь раз слово КГВАЛТОВНИКЪ «насильник, разбойник» («Хто бы забил *кгвалтовника* в дому своемъ або на кгвалте и помочниковъ его...», VII.4).

Заимствованием из польского языка является и два раза отмеченное слово ПОХВАЛЦА в значении «угрожающий» (Бул. 256). («Тогды тая шкода маетъ присужона быти на ономъ *похвалце* або отповеднику...», VII.7).

Несколько раз в списках Первого Литовского Статута отмечено слово в древнерусской фонетической огласовке РОЗБОЙНИКЪ «разбойник» («...тотъ маетъ каран быти яко *розбойникъ*, VII. 21). В древнерусском языке рассматриваемое слово являлось многозначным (1. «убийца», 2. «грабитель, разбойник», 3. «удалец» (Срезн. III, 147–148). В тех же значениях в словаре Срезневского И. фиксируется и слово в старославянской огласовке РАЗБОЙНИКЪ (Срезн. III, 21–22).

Один раз в рассматриваемых списках Первого Литовского Статута зафиксировано и слово УБИЙЦА, которое отмечалось и в древнерусском языке («А оный *убийца* маеть быти выволан из земли вон...», VII. 3).

Заимствованием из польского языка (Бул. 333) является два раза (I.5, VI.8) зафиксированное слово ФАЛШЕРЪ «подделыватель» («Коли бы хто листы або печати наши фалшовал або их ведомо поживал, таковый кождый фалшеръ маеть каран быти огнемъ», I.5.).

Четыре раза зафиксировано и заимствованное из польского языка слово ШКОДНИКЪ «обидчик, причинивший вред, ущерб» (Бул. 364) («А коли бы который з урадниковъ яко распрошитель а *шкодникъ* двора нашого, в нас был обвинен», III.5).

Далее рассмотрим наименования в Первом Литовском Статуте, связанные с понятием «наказание». Сюда относятся следующие лексемы: КАРАНЬЕ, БЕЗЧЕСТЬЕ, ВИНА, ГОЛОВА, ГОЛОВЩИНА, ГРАБЕЖЪ, КГВАЛТЪ, НАВЯЗКА, РАНА, СТРАЧЕНЬЕ, КАЗНЬ, НЯТСТВО, ВЕЗЕНЬЕ.

В рукописях в значении «кара, наказание» несколько раз зафиксирована лексема КАРАНЬЕ (I.1, II.11, VII.29) («И тэжъ коли бы хто, обмовляючи кого-кольве, винил ку соромоте або ку страченью головы а што бы о горло або о именье, або о которое-кольве *каранье*, тогды тотъ...», I.1). В древнерусском языке был известен глагол *карати* (Срезн. I, 1196). Отглагольное существительное *каранье* фиксируется и в словаре Носовича И. (Нос. 229). Отглагольные существительные были довольно распространенными в старобелорусском языке. Встречаются в Первом Литовском Статуте и выражения типа *карати горломъ* «казнить через повешение» (I.6, VII. 6, 15) и *карати огнемъ* «карати огнем, сожжением» (I.5, VI.8).

Обращает на себя внимание то, что многие слова в юридической лексике были многозначными еще в древнерусском языке. Те же лексемы, которые обозначали преступления, употребляются и для обозначения наказания. В качестве меры наказания в Литовском Статуте 1529 г. часто применяются денежные штрафы, как и в «Русской Правде». Штрафы были разными. Обозначение наказаний, как и преступлений, довольно дифференцированно.

БЕЗЧЕСТЬЕ «бесчестье, штраф за нанесение оскорбления (VI. 17,18, XII. 13) («...тогды будетъ повинен шляхтичу *безчестье* платити», XIII. 13). В тех же значениях (1. «бесчестье», 2. «наказание за оскорбление чести») слово зафиксировано и в древнерусском языке (Срезн. I, 82). Плата штрафа зависела и от сословия («стану») («А пакли бы судья на кого рукою сягнул и вдарил, тогды маетъ тому *безчестье* платити *водлуг стану*, VI. 18).

Так, известное древнерусскому языку слово ВИНА употребляется в Первом Литовском Статуте не только в значении «преступление», но и в значении «наказание за преступление, штраф» («...тотъ, который сягнул, маетъ *вины* заплатити дванадцать рублевъ грошей...», VI. 17). В текстах рукописей со словом *вина* находим разные сочетания: *вина злодейская* «штраф за воровство» (XIII. 2), *вина кривавая* «наказание смертью» (I. 1), *вина прометная* «прометный штраф» (VI. 6).

Слово ГОЛОВА в указанных списках Первого Литовского Статута, как и в «Русской Правде» (Тихомиров 1953, 142), отмечается в значении «убитый». Но в Первом Литовском Статуте *голова* имеет и другое значение «штраф за убийство» («Тэж, естли бы тотъ кгвалтовникъ, убивши кого, з земли втек проч, тогды з ыменья его маетъ плачона быти убитого голова...», VII. 3). В словаре Срезневского И. у многозначного слова *голова* значение «штрафа» не приводится, а словарь Кочина Г. приводит это слово в

двух значениях: 1. «убитый» и 2. «единица обложения».

Уже в древнерусском языке слово ГОЛОВЩИНА обозначало не только «убийство», но и «плату с головы», т. е. штраф за убитого (Срезн. I, 544–545). В Первом Литовском Статуте последнее значение сохраняется («...а *головщина* з ыменья его близкимъ забитого маетъ быти плачона», VII.1). Согласно Литовскому Статуту размер штрафа зависел от социального положения, сословной принадлежности пола. За убийство шляхтича как крупного феодала, так и проживавшего в околице, не имевшего своих крепостных, уплачивалось 100 коп грошей, или 60 рублей грошей (VII. 28), за убийство путного человека, тивуна или иного слуги, заведующего феодальным хозяйством, а также ремесленника – 20 коп грошей или 12 «рублев грошей» (XI.1,2), за убийство бортника 8 рублей грошей (XI.1), за убийство паробка или крестьянина – 10 коп, или 6 рублей грошей (XI.2,3), за убийство невольного паробка – 5 коп или 3 рубля грошей (XI. 3).

Уже в древнерусском языке слово ГРАБЕЖЪ имело значение не только «отнятие силою чужой собственности», но и значение «вид наказания» (Срезн. I, 573–574). В Первом Литовском Статуте значение наказания «захват, захваченное имущество за долги» сохраняется («А естли бы оный кого пограбил, тогды тотъ, хто грабежъ за грабежъ грабитъ, свою навезку тратитъ, а тому, кого грабилъ, маетъ *грабежъ* вернути и навязати», т. е. дать вознаграждение», XII. 5).

Полонизм КГВАЛТЪ (Бул. 148) в рассматриваемых списках отмечается не только в значении «нападение», но и в значении «штраф» («А хотя бы не ранил ани бил, а будетъ, наехавши, брал, также маетъ *кгвалтъ* платити», VII. 19).

Это относится и к полонизму ШКОДА («Тэж, естли бы тотъ кгвалтовникъ, убивши кого, з земли втек проч, тогды з ыменья его маетъ плачоно быти убитого голова, и *шкода*, и вина господарская...», VII. 3).

В значении «пытка» в списках представлены два слова: МУКА и МУЧЕНЬЕ («...колько кроть будетъ мучити, за кождую *муку* полтина грошей», XIII. 14; «...таковый человекъ маетъ быти на *мученье* выдан...», XIII. 13). Эту пару слов можно рассматривать в качестве словообразовательных вариантов., ибо вариативность, как отмечает Евгеньева А., «заключается в создании, в возникновении в речи для выражения «одного и того же отразившегося в мышлении кусочка действительности» различных (многих) вариаций на основе использования разных элементов языка, а также разных средств их соединения и комбинирования» (Евгеньева 1966, 12). Древнерусскому языку были известны *мука* (Срезн. II, 193–194) и *мучение* (Срезн. II, 198). В Первом Литовском Статуте лексема *мученье* встречается в сочетании *выдати на мученье* «выдать на пытку» (XIII. 13).

Довольно часто в памятнике в значении «возмещение, вознаграждение, компенсация (за бесчестье, побои, пытки, раны, ущерб) встречается слово НАВЯЗКА (НАВЕЗКА) («...тогды навязку за тую речь маютъ платити», VI.6). Слово является полонизмом (Бул. 212).

В древнерусском языке слово РАНА являлось многозначным (Срезн. III, 69). Одно из значений было «наказание,

кара». Сохраняется оно и в рассматриваемых списках («...тогды оный, который грабил, маетъ то оправити ему, яко бы шляхтичу або шляхтянце *рану*, двенадцать рублевъ грошей...», XII. 3).

Отглагольное существительное СТРАЧЕНЬЕ, образованное от глагола *стратити* «потерятъ, утратитъ» тоже отмечается в Первом Литовском Статуте. Но в значении наказания, т. е. «отсечение головы, потеря головы, шеи, смертная казнь» отмечается в сочетаниях СТРАЧЕНЬЕ ГОЛОВЫ, ШИИ (I. 1, VII. 29) («...винил ку соромоте або ку *страченью головы*...», I. 1). В словаре Срезневского И. слово не отмечается. Словарь Носовича И. фиксирует *страценне* в двух значениях: 1. «смертная казнь», 2. «отсечение головы, руки» (Нос. 617).

Из других слов, связанных с наказанием и встречающихся в списках Первого Литовского Статута, следует отметить КАЗНЬ, НЯТСТВО, ВЕЗЕНЬЕ. Слово *казнь* было известно и древнерусскому языку в значении «наказание» (Срезн. I, 1178). В рассматриваемых списках оно употребляется в значении «тюрьма» (I. 13; XIII. 4) («Хто бы выпустил с *казни* осажоного злочинцу або виноватого...», I. 13). В значениях «казнь, арест, тюрьма» слово фиксируется и в словаре Горбачевского (Горб. 180).

В значении «арест, заключение» отмечается и слово НЯТСТВО («Коли бы хто в суда кому другому або судьямъ соромные слова мовил а тым суда и судей не учтил, таковый *нятствомъ* маетъ каран быти, шесть недель седети», VI. 18). Слово *нятство* в значении «плен» фиксируется и в словаре Срезневского И. (Срезн. II, 490).

В значении «тюрьма» отмечается в рукописях и полонизм ВЕЗЕНЬЕ (Бул. 75) («Естли бы што господаръ с паны радами нашол и сказанье свое господарское вчинил, а хто бы хотел напротивку тому выроку господарскому быти, тогды таковый будеть какого-кольве стадла, так вышшего, яко и нижнего, маетъ у *везенью* седети шесть недель...», I. 23).

Проанализированный материал позволяет отметить, что среди тематически разнообразной лексики значительное место в Первом Литовском Статуте 1529 г. занимает юридическая лексика. Здесь отмечаются различные наименования преступлений (*вина, винность, (злый)-вчинокъ, выступъ, зночинство, кривда, шкода, бранье, злупленье, наездъ, наездка, спостошенье, згуба, пожаръ, пожога, битье, бой, головщина, квалтъ, ображенье, зраженье, нагабанье, перенагабанье*), названия преступников (*виноватецъ, винный, виноватый, выступный, забойца, мужобойца, злодей, злочинца, катъ, квалтовникъ, похвалца, разбойникъ, убийца, фалшеръ, шкодникъ*. Наименования наказаний также разнообразны: *каранье, безчестье, вина, голова, головщина, грабежъ, квалтъ, навязка, рана, страченье, казнь, нятство, везенье*. Памятник отражает один из этапов становления юридической лексики. В рассматриваемой группе слов можно выделить несколько пластов лексики с точки зрения происхождения. Немалая часть слов, зафиксированная нами в Первом Литовском Статуте, была известна и древнерусскому языку, причем эти слова являлись чаще всего многозначными (*вина, кривда, грабежъ, бой, головщина, злодей* и др.). Отдельные слова в Литовском Статуте отличаются от древнерусских слов своей морфологической формой (*пожога-пожегъ, пожогъ, наездъ-наезда*). Некоторые

из употребленных слов в Литовском Статуте находят отражение и в «Русской Правде» (*вина, голова, грабежъ, розбой, виноватый* и др.). Другая часть лексики является собственно белорусской (*винносць, злочинство, згуба, выступный, забойца, мужобойца*). Здесь заметна тенденция к образованию отглагольных существительных (*бранье, злупленье, спостошенье, забитье, ображенье, нагабанье* и др.). Встречаются здесь и заимствования (*шкода, кгвалтъ, навязка, фалшерь* и др.). Юридическая лексика, выявленная нами в белорусских списках Первого Литовского Статута, большей частью является многозначной. Отмечаются одни и те же слова, обозначающие и преступление, и наказание. (*вина, головщина, грабежъ* и др.). Наблюдаются и синонимичные пары слов (*браньеграбежъ*), вариантность (*мука-мученье*). Сопоставление списков между собой позволяет констатировать, что в употреблении рассмотренной лексики между ними наблюдаются незначительные расхождения. Лексическая взаимозаменяемость в рукописях, касается, например, таких пар слов, как: *бранье-грабленье, пожаръ-пожогъ*). Дальнейшие исследования лексики в списках Первого Литовского Статута (1529) будут полезными как в целом для изучения словарного состава старобелорусского литературно-письменного языка, так и для выявления специфики каждого из списков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бул. – Булыка А. М. *Даўнія запазычанні беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка, 1972.

Горб. – Горбачевский Н. *Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского*. Вильна: В типографии А. И. Зака, 1874.

Коч. – Кочин Г. Е. *Материалы для терминологического словаря древней России*. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937.

Нос. – Носович И. И. *Словарь белорусского наречия*. Спб.: Типография Императорской АН, 1870.

Срезн. – Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. I–III. Спб.: Типография Императорской АН, 1893–1903.

ЛИТЕРАТУРА

Гістарычная 1970 – *Гістарычная лексікалогія беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхника, 1970.

Евгеньева 1966 – Евгеньева А. П. «Основные вопросы лексической синонимики», *Очерки по синонимике современного русского литературного языка*. М.-Л.: Наука, 1966.

Закарьян 1955 – Закарьян З. М. М. *Словарный состав Статута Великого княжества Литовского 1588 г.* Канд. дисс. М., 1955.

Жуковская 1964 – Жуковская Л. П. «Лексические варианты в древних славянских рукописях», *Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка*. М.: Наука, 1964.

Лазутка 1974 – Лазутка С. А. *I Литовский Статут*. Дисс. д-ра ист. наук. Вильнюс, 1974.

Леонтович 1865 – Леонтович Ф. «Русская Правда и Литовский Статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права». Киев: *Университетские известия* – 1865, № 2,3,4.

Лозовский 1966 – Лозовский В. М. *Юридическая терминология в языке белорусских письменных памятников XV–XVII вв.* АКД. Минск, 1966.

Малиновский 1894 – Малиновский И. *Учение о преступлении по Литовскому Статуту*. Киев:

Типография Императорского университета св. Владимира, 1894.

Пичета 1960 – Пичета В. И. «Литовский Статут 1529 г. и его источники», *Статут Великого княжества Литовского 1529 г.* Под ред. К. И. Яблонскиса. Минск: Изд-во АН БССР, 1960.

Тихомиров 1953 – Тихомиров М. Н. *Пособие для изучения «Русской Правды»*. М.: Изд-во Московского университета, 1953.

Шакун 1963 – Шакун Л. М. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Мінск: Выд-ва Мініства выш. сярэд. спец. і прафэс. адукацыі БССР, 1963.

NUSIKALTIMŲ IR BAUSMIŲ TERMINIJA PIRMAJAME LIETUVOS STATUTE (1529)

Tatjana Vlasova

Santrauka

Straipsnyje analizuojama nusikaltimų ir bausmių terminija Pirmajame Lietuvos Statute, kuris atspindi vieną iš teisinės terminijos raidos etapų. Kilmės požiūriu – tai žodžiai, atsiradę iš kelių šaltinių: senovinės rusų kalbos, senosios baltarusių kalbos ir lenkų kalbos skoliniai, patekę į ją iš vokiečių, lotynų kalbų. Atkreipiamas dėmesys į teisinės leksikos daugiareikšmiškumą, sinonimiškumą ir variantiškumą.

Получено: 2002 ноябрь
Принято: 2002, ноябрь

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
ул. Университето 5
LT-2734 Вильнюс
E-mail: Tatjana.Vlasova@flf.vu.lt